

В эвакуации в провинциальном Симбирске

(Продолжение. Начало в №№ 2, 3–2014)

По страницам дневника А.В. Жиркевича. 1921 год

Н.Г. Жиркевич-Подлесских,
г. Фрязино. 2014

Мы продолжаем публикацию отрывков из книги Александра Владимировича Жиркевича «Потревоженные тени. Симбирский дневник» (Этерна. 2007). Издание было подготовлено внучкой А.В. Жиркевича, Натальей Григорьевной Жиркевич-Подлесских. Неутомимый исследователь, она издала шесть книг и опубликовала более ста статей по архивным материалам знаменитого деда.

В мае этого года мы побывали у Натальи Григорьевны в гостях и ознакомились с неизвестными широкой общественности фактами биографии А.В. Жиркевича. Об этой встрече будет рассказано в следующем номере журнала.

1921 год

1 января. Сегодня советский Новый год. Бывало, при встрече Нового года сколько радостных воспоминаний, сколько горячих пожеланий теснилось у меня в душе... А сегодня там – пустыня, по ней рассеяны могилы. Ночью спалось плохо. И что же мне упрямо лезло в голову? – «Венеция» Апухтина, о которой я давно не вспоминал. От стихотворения я перешёл к личным воспоминаниям о пребывании в этом сказочном городе... Стало вдруг так тоскливо, что я встал, оделся и пишу, хотя

ещё – глубокая ночь... Право, можно подумать, что воспоминания созданы не на радость, а на скорбь человека...

Сейчас вот я прервал писание моего дневника («ночника»), т. к. почувствовал, что по мне ползают известные насекомые. Полураздевшись, я занялся их истреблением. Но знаю, что через час они опять откуда-то наползут – на смену павшим в борьбе со мною... Думал ли я когда-либо, что опущусь до такого пролетарского убожества?!

Последнее ко мне письмо Саши Измайлова рисует его бедственное положение до того мрачно, что я решаюсь

начать о нём хлопоты. Был по этому поводу у А.И. Яковлева. По его словам, в приютах прямо голодают, а потому пристроить туда Измайлова было бы грубой ошибкой. Остаётся поднять вопрос о назначении ему пожизненной пенсии и пайка. Советская власть сделала уже это по отношению к внучке (или правнучке?) Пушкина. Отчего бы не сделать этого относительно родного племянника М.И. Глинки, много потрудившегося для общества на музыкально-вокальном поприще?...

2 января. В эту ночь повторился у нашей Мурочки-Каташи припадок астмы. Она стала задыхаться, холодеть, говорить о смерти. Самочувствие было настолько тяжёлым, что она стала прощаться с нами, крестить нас и говорила, как бы в виде завещания: «Любите друг друга». Бедная страдальца, не выходя из дома, опять простудилась, т. к. не могла удержаться, чтобы не помогать Кате и Тamarочке по хозяйству...

6 января. Вот дожили мы до Сочельника. У нас нет роскошного пиршества, но мы позволили себе кое-что лишнее: у нас есть молоко к чаю (300 р. за стакан!) и свежий хлеб, испечённый Тamarочкой. Кате, слава Богу, лучше, и она рассказывает детям о том, как раньше у нас в семье встречали Сочельник с покойными детками. Прошу её сказать мне, одинокому, окружённому теньями дорогих усопших, какое-либо тёплое слово. И она мне говорит: «Милый, дорогой, хороший Шурочка!..». Чего мне более?.. Мороз на дворе крепнет. Ночь без звёзд. Но у нас в квартире тепло. Со мной мой Христос, моя Катя. Около меня мои дети...

7 января. Дождались мы и Рождества Христова...

Мне 63 года. А с каким удовольствием я и сейчас посидел бы у зажжённой ёлки, поглядел бы на порхающих вокруг неё нарядно одетых ребятшек... Вчера на базаре я видел тяжёлые сцены: многие такие же, как и я, плохо одетые, дурно обутые, замерзавшие на гугучем морозном ветре старики и старушки приходили купить что-либо для праздника и в отчаянии видели, что цены выросли невероятно, будучи взвинчены алчными продавцами так, что припасённых денег не хватало. Раздавались жалобы, проклятия. Я видел безнадежные жесты отчаяния, разочарования, горя. Совсем не знакомые мне личности подходили ко мне

в ожидании сочувствия... Сам я хотел уже отказаться от покупки пяти стаканов молока – за 1500 р. И не выдержал, купил, эгоистично имея в виду и себя...

9 января. Постоянно видишь на улицах не идущих спокойно, а торопливо куда-то стремящихся старичков с корзинками, кулёчками. Всё это ещё недавно мечтало о спокойной, уютной, обеспеченной старости и теперь выброшено из обычной колеи, радо, что может хоть чем-либо быть полезным. Не знаю почему, но иногда при виде таких старичков и старушек у меня болезненно сжимается сердце...

12 января. Не знаю почему, но мне чудится, что последние письма ко мне А.Ф. Кони носят в себе автобиографический характер, т. е. что он их пишет мне с тем, чтобы я их огласил даже, пожалуй, при его жизни. Это не лишает подобные человеческие документы общественного значения. Кони переутомлён и всё же работает через силу, Кони зовёт смерть, а она не идёт, Кони разочарован в русском народе и т. д. Какое красивое угасание человека, всю жизнь умевшего ловко, своевременно, смотря по тем или иным веяниям позировать перед обществом! Я не назову Кони «великим человеком», как зову таким именем Л.Н. Толстого. Но что он личность выдающаяся, замечательная, которая оставит по себе в литературно-общественной жизни след, – это, несомненно...

19 января. Привезли от А.И. Яковлева ящички, и я начинаю спешно укладку в них моих коллекций, отсылаемых в Румянцевский музей. Другой бы на моём месте радовался, что при создавшейся обстановке избавляется от лишнего, громоздкого, только напрасно стесняющего хлама старины. А я не могу никак подавить в себе эгоистичного чувства сожаления. Конечно, я поборю в себе скверные, наивные, заставляющие краснеть чувства и расстанусь с тем, что так любил и ценил наш сынок, покойный Гуля. Меня беспокоит мысль о том, как доедут до Москвы мои коллекции, придутся ли там по вкусу, не пропадут ли – как то, что я жертвовал в музей Вильны? Приходится составлять опись отсылаемого. А мне дано для укладки всего три дня...

22 января. Сегодня советский праздник – чествование памяти Гапона. Бедная моя Родина! И все мы,

русские, бедные... Бедняга был и несчастный Гапон, так трагически, глупо погибший. Как дико, что царь не допустил Гапона и депутацию к себе, не объяснился с нею, а велел её расстреливать!..

23 января. Мне рассказывали, будто бы на одном из спиритических сеансов дух на вопрос, чем кончится вся нынешняя неразбериха, продиктовал два загадочных слова «молот-серп»...

24 января. Только и разговоров везде, что о загадочных советских деньгах, с одной стороны которых напечатано «1000 р.», а на другой «1 р.» (в Симбирске появились, по недосмотру казначейства, деньги, одна сторона которых была не пропечатана. «Умельцы» на другой стороне догадались напечатать «1 р.» – Н. Ж.-П.)... Все с тревогой и недоверием желали бы уяснить себе, что «сей сон означает». Все ждут только пакости и дальнейшего разорения...

25 января. У И.Я. Яковлева был приехавший из деревни Гулак-Артемовский, бедняга, попав в деревню, сильно в ней разочаровался. Мужики оказываются – дрянью, эгоистами, жуликами, при советских наездах-реквизициях делают друг на друга доносы, мстят друг другу, клязничают. А он ожидал увидеть каких-то рыцарей в сермягах...

30 января. На репетициях в командных курсах я делаю общую диктовку, а затем исправляю её, выставляю мои отметки. Один из курсантов после диктовки приписал: «Преподаватель у нас русского языка А.В. Жиркевич, бывший генерал». Конечно, на идиотскую выходку я не обращаю внимания. Но тут мне чудится донос по начальству, которому в руки попадёт диктовка, о моём генеральстве. Генерал, т. е. «старый режим», преподаёт нам, коммунистам! Вот в какой атмосфере вражды и доноса приходится работать!

2 февраля. Мне починили валенки, и я снял мои дырявые сапоги, в которые свободно врывался снег... Сегодня курсанты этого отделения заметили новинку на моих ногах и добродушно по этому поводу поздравили. Такое отношение их меня порадовало... За последнее время отношение ко мне курсантов стало более искренним, отзывающим чем-то вроде симпатии. И сам я научился понимать их,

прощая выходки, иногда довольно глупые и грубые. Тут на курсах соприкасаешься с народом, притом с молодёжью (т. е. с будущим Россией).

4 февраля. Через день заходя на кухню Чувашского педагогического института за обедами, я заглядываю к скучающему, одинокому Ивану Яковлевичу. Старик меня всегда поджидает, рассказывает о прочитанных книгах, делится скудными новостями. По-прежнему я испытываю неприятности в связи с желанием старика напоить меня чаем либо накормить... Если я не захожу к Яковлевым, то старик обижается, выговаривает мне, а если захожу, то вижу, как между Иваном Яковлевичем и его женой, на почве моего угощения, происходят в соседней комнате препирательства. Часто доносится до меня недовольная воркотня избалованной практичной барыни, извиняющийся лепет её мужа...

Н.И. Колосов только что вернулся из Москвы и рассказал много интересно о том почёте, каким окружён там – со стороны, конечно, населения – патриарх Тихон. Тихона приглашают на службу – по очереди в московские церкви, причём встречают его по-царски, с хлебом-солью, с колокольным звоном и подношениями 30 тысяч рублей на нужды бедных. Землю устилают коврами. У патриарха прекрасная карета и лошади, в карете с ним сидит один из его охранителей, а другой или с кучером, или на запятках. Колосов был на патриаршей службе, кажется, в храме Христа Спасителя и на водосвятни на Крещение. Когда патриарх стал благословлять народ крестом – грянули все 40 сороков московских храмов: эффект получился удивительный. Большевики следят за патриархом, завели особую книгу, в которой записываются подробности о тех, кто посещает патриарха. Вход в Кремль закрыт...

8 февраля. ...Я зашёл к О.П. Цветковой, продолжающей благодушеествовать на средства уплотнившего её деревенского парня, а ныне коммуниста-большевика Сергея. К Сергею приехал его товарищ, красноармеец, которого с особым отрядом послали за 35 вёрст в какую-то деревню отбирать у крестьян муку. Отряд прожил в деревне несколько дней и убедился, что нет не только запасов муки, но что там давно уже едят не хлеб, а нечто подобное чёрной земле, из лебеды с какими-то примесями. Кусок этого ужасного суррогата хлеба он привёз

показать большевикам Симбирска в доказательство того, почему он не добыл желаемой в Симбирске муки. Кусок этой невообразимой, несъедобной, чёрной, как уголь, мерзости я вчера держал в руках... Симбирское начальство, однако, не доверяет показаниям этого красноармейца, уверяя, что он где плохо искал, что жители-крестьяне обманули его, спрятав хлеб, и т. д. А он рассказывал о том, что без слёз нельзя видеть детей крестьянских, жующих это подобие хлеба.

20 февраля. Вчера при помощи оцепления в составе целого вооружённого полка разгромили базар: перевернули деревянные лавки, забрали припасы, деньги, позапирали продавцов и покупателей во Всесвятскую церковь, кое-кого стащили в губчека. Хватали, обыскивали, арестовывали... Вчерашняя облава окончилась очень печально. Запирали лавки с железными товарами. Какой-то продавец стал протестовать, вступил в пререкание с представителем губчека. Последний выхватил револьвер, прицелился в продавца. А тот, тяжёлой гирею ударив его по голове, уложил его на месте, сам же бросился бежать. Но один из конвойных выстрелил в убежавшего, несмотря на то что тот пытался скрыться в гуще собравшегося народа. Пуля пронизала тело несчастного, войдя с одного бока и выйдя через другой, задев сердце, так что он был убит наповал...

22 февраля. У Каташи ночью был опять припадок сердцебиения и удушья, нас всех переполошивший...

У Ильинской церкви нагоняет меня сегодня милейший Надеждинский, одетый в полушубок и папаху, выскакивает из саней, подбегает ко мне и подносит мне одну огромную, только что пойманную стерлядь фунта 3 весом. Оказывается, он ехал прямо с Волги, с «улова», который, по его словам, был не очень удачным. А я, идя по улице, думал перед этим о том, чем бы мне порадовать больную Каташу? Вот Бог и послал на пути доброго человека. Действительно, рыба порадовала мою страдальцу. Есть же на свете такие добрые люди, как Н.М. Надеждинский...

24 февраля. Видел вчера кухарку Яковлевых, только что вернувшуюся от родных из деревни, находящейся в 30 верстах от Симбирска. Она рассказывала мне про экономическую разруху в деревнях. Большевики, по её словам, вывезли – по ночам, тайком

от населения – весь запас ярового зерна, находящийся в продовольственных деревенских складах, не принимая, по-видимому, в расчёт, что мужикам нечем будет обсеивать поля...

Яковлевы получили письмо из Москвы от сына Алексея Ивановича, в котором он, по словам сестры Ленина, пишет какие-то подробности о сумасшествии последнего, между прочим, о том, что Ленину мерещится, будто бы стены на него обрушиваются. Когда весть о сумасшествии Ленина проникнет в население, то, если не изменится политика советского правительства, она произведёт неблагоприятное впечатление на народные массы...

А.В. Жиркевич. 1922

2 марта. Везут в симбирские лазареты много раненых красноармейцев. Откуда они – неизвестно. В связи с этим идут слухи о том, что будто бы полки, в состав которых входили командные курсы, где-то разгромлены, что часть курсантов «перерезана», в том числе и офицеры. Насколько это верно? Где-то проливается человеческая кровь. Это ли не скорбь, не ужас?..

9 марта. Какая судьба постигла ту молодёжь курсантов, которую я привлек видеть, бывая на уроках в здании бывшего кадетского корпуса? Всё это держат в тайне... И перед моими глазами проходит десяток симпатичных моих слушателей, на лицах которых отпечаток ума, доброты, порядочности... Неужели и эта молодёжь погибла?

15 марта. ...Вчера у Цветковых я встретил красноармейца Н. Горбунова... Год тому назад, в Москве, Горбунов был на огромном митинге рабочих, где много говорил Троцкий. Рабочие постоянно грубо его прерывали криками: «Довольно!», «Замолчи!», «Хлеба, хлеба!»... Наконец Троцкий вышел из себя и стал доказывать, что голода ещё нет, а лишь некоторое недоедание. Новый взрыв негодующих криков, протестов, упреков. Тогда Троцкий позволил себе бросить в толпу такую фразу: «Я признаю, что существует голод, лишь тогда, когда услышу, что мать из двоих своих детей съела с голоду одного. Вот это будет голод!». Тут в ответ оратору поднялся невообразимый рёв, гвалт, раздалась свисты, крики: «Что же вы хотите сделать нас людоедами?!» – так что он, перепуганный, соскочил с трибуны и убежал, охраняемый свитой от насилий, которых можно было ожидать...

22 марта. Сегодня один из служащих на курсах красных командиров рассказывал мне о том, что из Уфы приехал наш курсант, передававший о «подвигах», совершённых нашими курсантами. По его словам, отряд, в состав которого вошли курсанты, срыл до основания место бастовавших деревень, перерезав поголовно всех жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, ни степени виновности. Будто бы остались две деревни, с которыми не успели покончить. Курсанты «блестяще выполнили своё командирование»!..

29 марта. Объявлен декрет о «вольной» торговле ненормированными продуктами. Есть настолько наивные люди, которые усматривают в этом благодетия советской власти нечто дающее надежду на то, что жизнь станет дешевле: что может принести вольная торговля при общем развороте торгово-промышленной политики, когда 1000-рублёвая бумажка стоит 5-10 копеек?..

31 марта. Прилетели скворцы, по улицам важно ходят грачи. А на душе апатия и мрак. Мысль о самоубийстве стала всё чаще и чаще за последнее время посещать меня...

Приехал наконец третьего дня из Москвы А.И. Яковлев... Старик рассказывал мне, что сын вернулся в угнетённом состоянии духа, т. к. два месяца он потратил на беготню по московским комиссариатам почти без всяких

результатов, при царящей там анархии. На мою коллекцию в Румянцевском музее, во главе которого устроились случайные люди, по-видимому, не обратили внимания.

...А.И. рассказывал, что Ленин действительно две недели был психически болен. Окружён он в Кремле такой охраной, какой не бывало у царей. Москва загажена, разорена наполовину до неузнаваемости.

3 апреля. Введена свободная торговля. Это после того, как все разгромлено, обесценено, а деньги ничего не стоят!..

6 апреля. А.И. Яковлев мне устроил сюрприз, без моего ведома подняв в Румянцевском музее вопрос о вознаграждении меня за часть коллекций, пожертвованных музею. Это при моём-то заявлении, что я всё жертвую даром! В музее ждут моего заявления и счёта. На эту тему я имел с Яковлевым объяснение... Сначала категорически отказавшись от вознаграждения, я потом, чтобы не ставить его в глупое положение, подписал и заявление — в надежде, что этот номер не пройдёт. Милый А.И. так хочет меня выручить материально!..

11 апреля. Видное лицо, служащее в советском учреждении, мне говорило: «Коммунизм умирает, сделав своё дело... Мы находимся уже в периоде анархии... Всё идет нормальным путём». — «Ну, а затем что будет?» — «Когда настанет окончательная анархия, то придёт диктатор. И все бросятся к нему — население устало, изверилось, жаждет плети и мирного труда»...

12 апреля. Волга тронулась. Холод. А всё же пахнет весной. И нашу бедную Мурочку на день переводим в Манину комнату, из окна которой она, лёжа на кушетке, радуется виду на волжские дали, пенью петухов, воробушкам, скачущим по перилам балкона. Как-то начинаешь верить в то, что и нашей дорогой больной с весной станет легче.

16 апреля. Все ждут, что 1 мая будут объявлены новые «свободы», между ними и «свобода слова», т. е. со рта русского гражданина будет снята повязка. Не верится... Всем мерещится какой-то подвох, а за ним застенок... До такой апатии все доведены! Лишь бы кусок хлеба и не висел над душой страх насилья, лишения свободы, ограбления,

знакомства с губчека. Ужас в том, что за этим требованием желудка, за шкурными интересами никто (положительно никто) не вспоминает о Родине. Точно её уже не существует.

26 апреля. В связи с открытием идолопамятника К. Марксу 10 мая устраивается в здании бывшего губернаторского дома художественный пролетарский музей. В нём ещё ничего нет. Но на потолке уже рисуются в крупном масштабе портреты Маркса, Ленина, Троцкого и Луначарского.

27 апреля. С 15-го командные курсы переходят в лагерь, в Поливну. Мне предстоит тяжёлое лето: надо будет ходить или ездить из города за 10–12 вёрст с перерывами в один день. А на удобства сообщения мало надежды. Приходится жертвовать собою (то есть своими силами, летним отдыхом, интересами семьи) для того, чтобы сохранить за собою положение преподавателя, жалованье и паёк. Тяжело обставлена моя старость...

29 апреля. Время от времени включаю в мои альбомы накопившиеся автографы...

3 мая. Надо же занести что-либо похвальное по адресу советской власти в Симбирске... Ну и занесу: на Гончаровской (Карла Маркса) улице начали засаживать деревьями и кустами бульвар, тянувшийся посередине улицы. То есть делается то, что делала всегда советская власть: сначала прекрасный бульвар уничтожили, изгадили, а теперь его восстанавливают. Такова вообще логика русского коммунизма...

14 мая. Вчера был в зале школы им. Карла Маркса. По бокам сцены помещены огромные, во весь рост, бездарно-безграмотно написанные портреты Карла Маркса и Ленина. Первый изображён в виде евангелиста (как их рисуют в церкви), окутанный красной мантией, с огромной тетрадью в руках, в которую что-то записывает. Ленин же стоит, видимо, ораторствуя, а гений (славы!) сдёргивает с него красную завесу, но гений этот, в преувеличенно несоразмерных формах, будто бы занёс свой огромный кулак с целью опустить его на маленького, плюгавенького в сравнении с ним Ленина. Мазня ужасная.

24 мая. Из разговоров, подслушанных на улице: какая-то старушка

у казармы красноармейцев подбирает, наклонившись, лошадиный помёт, вероятно, в качестве удобрения, что вызывает глумление одного из красноармейцев. Он, смеясь, говорит: «Бабушка, навоз — советский. Подбирать его нельзя». «Уж не на суп ли ты его, сынок, себе сберегаешь?» — спокойно отвечает та...

27 мая. ...Несомненно, на нас надвигается голод, прекращение, в связи с ним, пайков рабочим и служащим... А тут недалеко до бунтов и забастовок. Но, вернее всего, будут терпеть и умирать, как вьючные животные. А.Ф. Кони пишет мне так ободряюще: «И мне отгадно знать, что в далёком уголке Волги есть сочувственное мне сердце хорошего человека и деятеля»...

У Каташи снова припадки астмы. Мы все в тревоге. Вызывали доктора Черногорова... Так тяжело видеть страдание дорогого, близкого человека и не быть в состоянии чем-либо помочь ему.

12 июня. Симбирский «толчок» напоминает собою базары Востока. Тут жарят, пекут, чинят обувь, стригут, бреют, сходятся для совещаний. Над скопищем людей стоит гам, крик. И снова вспоминаешь отсутствующих художников, которые могли бы создать прекрасную жанровую картину, которой бы удивлялось наше потомство. А они уходят в описание с натуры «равнодушной природы». Если бы не усталость, я готов бы целые часы проводить на этом «толчке», наблюдая нравы. Как тени прошлого, счастливого, сытого, довольного проходят через многотысячную толпу «буржуи» и «буржуйки» — с предложением иногда дорогих, изящных туалетов, сувениров, безделушек с этажерок. Голод их выгоняет на базар из уплотнённых логовищ, заставляет, несмотря на возраст и недуги, целые часы бродить в духоте жаркого дня, в пыли, среди оборванцев и женщин сомнительной репутации...

21 июня. Я всюду натываюсь на неунывающих культурных работников и на таких, которые считают себя «бывшими людьми» (ненавистная мне кличка)... Вот, например, священник Ремеров. Человек «не от мира сего», знает основательно 15 языков. Но где приложить в варварской России эти удивительные знания? Старик Рагозин с его научными материалами — кому они нужны? А вот художники...

Те не унывают... Любовался я вчера, глядя на Пластова, Архангельского, Добрынина. Теперь они заняты устройством художественной выставки, обещающей быть интересной. Какие таланты таятся по провинциальным трущобам! Взять хотя бы Пластова, набросавшего вчера с меня удивительный этюд... Я удивлялся тому, как он приступил к работе, мощно распорядившись красками. Не унывают и артисты вроде Емельянова и Ржанова, хорошо зарабатывающие...

25 июня. Вчера по дороге разглядывал безобразный памятник Карлу Марксу, который уже составляется из отдельных кусков чёрного гранита. Видимо, боясь, чтобы физиономию Маркса не испортили, т. к. какой-то субъект отгонял зрителей, а когда я шёл обратно, то фигура была плотно укрыта досками, и сидел сторож. Конечно, предосторожности излишни: может найтись идиот, который испортит лицо статуи. Пока К. Маркс лежал в футляре, через щели последнего умудрились-таки набросать ему кирпичей на физиономию...

30 июня. Холера, перекочевав в Симбирск по Волге из Астрахани, делает у нас ожидавшиеся успехи. Холерные бараки до того переполнены больными, что последних кладут вне их, на свежем воздухе. Трупы хоронятся голыми в общих ямах, на эпидемическом кладбище. Сегодня А.С. Сергиевская рассказала мне, что прислуга в холерных бараках боится подходить к больным, подавать им воду, не желая заражаться...

1 июля. ...Голод в ближайшем будущем несомненен. По селу ходят побирающиеся нищие. Крестьяне с Мостовой и других сёл по соседству давно уже покупают для себя хлеб в Симбирске, платят по 5-6 тыс. руб. за 1 фунт хлеба, смешанного из ржи и овса. С тревогой ждут голодных осени и зимы, ругают советскую власть... Я просидел с 6 ч. утра два часа на городском кладбище и видел, как обыватели, пользуясь сладким сном сторожей, тянут с кладбища кресты и решётки на дрова...

10 июля. По Симбирску таскаются санитарные телеги, подбирающие на улицах всякого рода валяющихся людей; сюда, в общую кучу, попадают и одержимые холерой, и обессиленные от голода – всех в общую кучу, а там, в госпитале, разберут...

12 июля. Мне нравится в русском человеке способность даже в самые тяжёлые минуты его существования шутить и балагурить. Но всё же тут намёк на молодость, свежесть души и наивное отношение к окружающему. Недавно рано утром на Гончаровской улице (К. Маркса) на видном месте найдена была повешенная на верёвке дохлая курица с такой надписью: «На Гончаровской улице повесилась курица, не от жизни-сласти, от советской власти»

Дочь А.В. Жиркевича Тамара. 1913

яйца берут, а есть не дают!» Надпись эта была во многих экземплярах при дохлай курице, почему ранние прохожие растащили её по городу. Когда милиция узнала о «контрреволюционной демонстрации», то убрала курицу и надпись, на ней повешенную... Конечно, автор не обнаружен... А все смеются, довольны, радуются! Знай, мол, наших!

18 июля. Священник Боголюбов получил от брата своего, тоже священника, живущего в Б. Сенгилее, письмо, в котором тот пишет, что хлеба в городе хватит всего на несколько дней, почему жители города и окрестных сёл готовятся к голодной смерти, исповедуются и причащаются...

Мне везёт на встречи, подтверждающие мой взгляд на то, что в России не переводятся добрые, отзывчивые на чужое горе люди. К таким людям я причисляю доктора А.А. Листова и его жену. Мы теперь сидим без денег.

Зная это, добрый доктор не только ничего не берёт с нас за визиты, но сегодня одолжил мне без срока 20 тыс. руб. Награди его, Боже, за эту оказанную нам помощь. Я так тронут, так рад...

23 июля. Мы вступили уже, несомненно, в полосу голода, едим хлеб из овсяной муки, от которого во рту остаётся горечь, а в желудке делается расстройство. Но нам завидуют те, кто и этого довольствия не могут приобрести. На улицах постоянно видишь лежащие фигуры людей, обессиленных от голода. По городу по-прежнему ездят особые фургоны, подбирающие и холерных, и истощённых голодовкой (но холера уменьшилась ввиду наступления холодов)...

26 июля. Через Симбирск сотни телег, везущих домашний скarb и ребятишек. На торговой площади образовались целые таборы. Это беженцы, спасающиеся от голода в те местности, в которых, по слухам, ожидается урожай. Везут шкуры коров: значит, зарезали перед отъездом последнюю корову. Где они останутся? Что ждёт их в будущем? Многие ли доберутся до «земли обетованной» – никто не знает...

1 августа. В несколько часов от молниеносной холеры умерла моя знакомая Зоя Алексеевна Соколова, жившая с моим приятелем слепым сапожником Соколовым. Жаль мне бедного слепца. Как он сегодня плакал, рассказывая мне о своём горе! Бедный! И я с ним плакал, думая о моей Кате и возможности её потерять. По его рассказу, Зоя Алексеевна скоро умерла в бараке для холеры... Пока несчастная больная была дома и около часа лежала на подводе для холерных, Соколов целовал её, холодеющую, потную, посиневшую, шепча ей: «Зочка! Зочка!». Слушая его, я точно переживал то, что довелось пережить ему около любимого существа. Какая драма двух любивших друг друга!

3 августа. Беженцы, как говорится, применяются к местности: уезжая, они подкидывают своих ребят в приюты Симбирска, а подростков оставляют на улицах. Советская власть поневоле должна их устраивать. Говорят, что ежедневно бросается родителями на руки властей 50 и более ребят.

Вчера долго сидел у худ. П.Л. Добрынина. Он показывал мне много прекрасных, захватывающих дух, из последней войны, альбомчики и другие

свои работы. От всего веет несомненным талантом, наблюдательностью... Я напрасно обвинял Добрынина в том, что он боится зарисовывать в пейзажи фигуры. Коллекция его боевых этюдов с натуры, портретов, связанных с войною, имеет, несомненно, историческо-бытовое значение. Давно я не испытывал такого радостного чувства, как вчера, пока любезный хозяин выставлял передо мною свои работы – одна другой лучше.

7 августа. ...Командные подготовительные курсы считаются наиболее надёжным оплотом большевизма в Симбирске. Находящиеся в них красноармейцы обставлены лучше, чем солдаты частей войск местного гарнизона. Право, едва ли есть другой в мире народ, который бы, как русский, проявлял бы такое долготерпение, баранью покорность, так пассивно, по-детски защищал свою жизнь и счастье...

20 августа. Кате опять хуже. И сразу всё вокруг получило мрачный оттенок. А какие стоят дивные, лунные, поэтические ночи! Столько красоты Божьей в мире и столько страданий!

Нищенство в Симбирске, на почве голода, всё усиливается. К нам ходят реже, т. к. мы живём на втором этаже. А жители первых этажей, особенно домов, прилегающих к базарной площади, где скопляются беженцы, – прямо осаждаются нищенствующими. Последние не только сами становятся на колени, просят, плачут, но несут с собой обессиленных от голода детей в квартиры более состоятельных жителей. Происходят душераздирающие сцены по невозможности помочь: у обывателей у самих часто нет хлеба, муки, овощей.

21 августа. Наконец-то я познакомился с замечательным русским деятелем, врачом Карамзинской колонии душевнобольных В.А. Копосовым. Для этого мне пришлось совершить путешествие (туда и обратно 24-26 вёрст). Ехал я в неуверенности, примут ли меня... И.Я. Яковлев мне говорил, что недавно был у Копосова. Тот с неохотою беседовал с ним, ускорив его отъезд заявлением, что у него нечем угостить приезжего, настолько он стеснён материально... Между Копосовым и Яковлевым, как деятелями и людьми, конечно, не было и нет ничего общего. Копосов – идеалист старой марки, поклонник красоты, поэзии, искусства, собиратель картин... Яковлев –

практик, всё это игнорировавший. Разница между обоими крупными деятелями Симбирска особенно бросается в глаза, когда сравнишь постройки Чувакской школы и здания колонии душевнобольных...

...Революция коснулась и колонии, уничтожив её цветники, часть роц, её окружающих, внеся порчу в самые здания. Но полного погрома здесь не было. Поэтому церковь, квартиры Копосовых и других служащих уцелели с их светлыми, просторными, чистенькими, хорошо обставленными комнатами, образцовыми кухнями, ванными, пристройками, садиками. В.А. Копосов – старик, хотя и разбитый (по его словам) событиями в России и порчей его детища-колонии, но, несмотря на свои 73 года, всё ещё настолько бодр, что может много, интересно рассказывать о колонии, о своей общественной деятельности и своих путешествиях за границу.

...Но, конечно, слава Копосова будет всегда зиждаться на Симбирской Карамзинской колонии душевнобольных, где он ввёл всё, что есть лучшего в Европе и России по части психиатрии, где для больных существовали театр, концерты, литературные вечера. Недаром имя Колосова пользуется заслуженной известностью. Что это за чудная старость, донёсшая до гроба свои идеалы, любящая Родину и верящая в её воскресение...

25 августа. Поражает засевавшая в комиссариатах бывшая интеллигенция, которая по наружности и по манерам, и по отношению к рядовому посетителю быстро охамилась, груба и пренебрежительна. Особенно отличается в этом отношении молодёжь бывшего хорошего круга семейств. И это я могу подтвердить по личным столкновениям с такой молодёжью. Отвратительно видеть, как бывшие «барыни» курят махорку, харкают куда попало, отпускают плоские острооты и щеголяют неприличными словечками...

29 августа. Аресты по городу, равно как и обыски, продолжают. Добрались до врачей, даже пользующихся известностью, как Левит, Воробьёв и др. По-прежнему никто не знает основных причин этих репрессий... А все дрожат за свои шкуры...

30 августа. Только что вернувшийся из Москвы знакомый рассказывал мне о том, что благодаря тому, что советская власть пошла на уступки

и отказалась от многих лозунгов пресловутого русского коммунизма, Москва как бы возрождается, принимает свой прежний нарядный, православно-русский культурный вид... Конечно, до того что было в Москве до переворота, ещё далеко. Но всё же пахнет политической весной и сдачей большевиками своих позиций... В связи с воззванием патриарха Тихона о помощи голодающему населению на днях откроются в Кремле соборы, и в них начнётся богослужение...

31 августа. Стены, заборы Симбирска пестрят афишами с объявлениями о концертах, спектаклях, балах с танцами без перерыва до утра, с призами за костюмы, за красоту и т. п. – всё в пользу голодающих. А голодающие умирают на улице у таких афиш. Даже «Заря», возмущённая этой вакханалией увеселений, описывает, как на днях у Карамзинского сада под афишей, на глазах у проходящих, умирал от голода крестьянин, и когда кто-то сунул ему хлеба в холодеющую руку, то помощь оказалась уже запоздалой.

5 сентября. «Почувствовать доброприятство, такое для души богатство, какого Крез не собирал», – сказал поэт. Вот эта-то душевная красота и тянет меня к Вас. Алек. Копосову, в колонию душевнобольных, заставляя меня ходить пешком туда и обратно 24 версты, что даётся мне нелегко при состоянии моего сердца и грыжи. Зато после каждого пилигримства в колонию я набираю столько впечатлений, что их хватает для удовлетворения моего духовного голода на две недели, т. е. до следующего свидания с Копосовым... Я счастлив, что в Симбирске нашёл такого человека, с которым у меня так много общего по идеалам.

6 сентября. ...У Копосова за обеденным столом, в столовой, меня сажают лицом к стене, на которой портреты Леонардо да Винчи, Гёте, Шиллера, Гончарова, Пушкина, Влад. Соловьёва. По квартире развешаны картины, портреты других знаменитостей (Герцен, Пирогов), стоят бюсты Пушкина, Гомера, Зевса... Чувствуешь себя в жилище человека, живущего высшими вопросами духа, искусства. И, при гостеприимной любезности хозяев, так чувствуешь себя хорошо, что уходить не хочется... А впереди 12 вёрст! Это для моей старости не шутка! Но опять идёшь полями, где почти не видно людей. И всё время

впереди, на горе, в дымке, виден Симбирск. Хорошо, привольно, умиротворительно для души...

17 сентября. ...Для больной Кати могут понадобиться опять ванны. Буквально сидим сейчас без денег и хлеба. Питаемся из скудного запаса продуктов. В магазине случайных вещей ничего из сданного на комиссию не продано. Существоем милостью Божьей...

21 сентября. У нас в доме событие. Мы имеем 500 тысяч советских денег. Это те деньги, которые А.И. Яковлев вопреки моему желанию вырвал у Румянцева музея за часть моих коллекций. Спрятав «мои убеждения» в карман, могу сказать, что эти деньги пришлось очень кстати. У нас одних долгов более чем на 100 тыс. руб. Да предстоят починки, заготовки припасов и т. п. Хочется помочь кое-кому, т. е. одолжить деньги. И что значат теперь, при падении денежного курса и бешеной дороговизне, какие-то 500 тысяч рублей советскими бумажками?! Но хвала Богу и Яковлеву за эту помощь.

Очевидцы мне рассказывают, что недавно в Симбирске и в некоторых уездных городах (а может быть, и по деревням) была комиссия американцев, приезжавших спасать детей и крестьян от голода. Американцы и англичане не доверяют советским властям. Передают, что в Сенгилее депутация крестьян явилась комиссии. Надо заметить, что при комиссии иностранцев в качестве представителя советской власти торчал член Симбирского губернского исполнительного комитета. И вот к великому конфузу этого большевика депутация крестьян, не обращая на него внимания как на представителя высшей власти в России, стала валяться в ногах у американцев, умоляя спасти население от голода и вымирания...

1 октября. Слепой Соколов так тоскует по своей сожительнице Зое Алексеевне, так убивается, не зная, где она погребена, что я решил проводить его на холерное кладбище за город и поискать могилу. ...я свёл туда и Соколова... Надо было видеть его слёзы – и радости, и горя, слышать его причитания. Благодаря мне ему удалось побывать на дорогой могиле, т. к. без проводника, по пересечённой местности, он один бы туда не добрался ни за что.

3 октября. Идя в колонию, видел волка, переходящего дорогу. Мне на него, предупреждая об опасности, указал какой-то крестьянин. Но я продолжал путь, не обращая внимания на зверя. Он был, видимо, мирно настроен, т. к. на мой оклик на минуту остановился, а потом скрылся в холмистой, поросшей кустами местности...

10 октября. Коммунисты грызут друг друга! Происходит чистка коммунистической партии, причём пушено в ход всё – доносы, личные счёты, раскапывание в прошлом и т. д. В «Заре» опубликован длинный список исключённых, но говорят, что это только часть того списка, какой существует. Председатель революционного трибунала Румянцев – палач, до последних дней иногда зря приговаривавший к расстрелу, огорчённый изгнанием его из партии, застрелился, и публика валит смотреть на самоубийцу...

12 октября. У нас в квартире страшный холод: в окнах выбиты стёкла, одна из печей развалилась вместе с наружной трубой. На приведение всего в порядок нужны деньги. А их у нас мало. Надвигается зима с заботами о дровах, починке валенок и т. п.

18 октября. Каташе совсем плохо. Ей нужны тепло и пища, которая не вредила бы ей по её болезни. А у нас едва хватает на молоко, нет дров и в окнах выбиты стёкла. Мне не жаль себя, а душа болит за Каташу и детей... Умирать, жить в такой обстановке...

Захожу к Д.И. Архангельскому. По случаю удачно прошедшей выставки у него домашнее торжество – улучшенный обед и пр. Угощает меня супом с пельменями (которые я давно не ел), мочёными яблоками, чаем с сахаром и молоком, хлебом. И я снова счастлив, гадким, животным, утробным счастьем, за которое, пока ешь и пьёшь, терзает тебя неумолимая совесть: вспоминаешь о своей семье, которая в эти минуты терпит лишения... Я ел и ронял слёзы горя и стыда в тарелку с горячим ароматным супом. Только что перед тем пришлось бегать по городу, добывая лекарства, изыскивая средства: я продрог в холодном пальто, почти околел. От горячего же у меня по всему организму разбегается живительная теплота... А Катя моя умирает в холоде! Боже! Боже!..

21 октября. А.А. Листов (да благовословит его за это Бог) подарил мне пару

старых, но ещё годных к употреблению калош, видя, что я бегая в тонких сапогах по непролазной грязи... Я вышел из уютной гостеприимной квартиры с особым чувством благодарности к Богу за то, что в течение всей моей жизни он посылал мне на пути моём добрых людей... Была безлунная, беззвёздная, хотя и не очень холодная ночь. С неба падало нечто вроде дождя. На улицах полное отсутствие освещения. Постоянно натыкаешься на встречные фигуры. Под ногами грязь, слякоть. Как вдруг попадаю в полосы света, льющиеся из окна какого-то клуба. Оттуда доносятся весёлые голоса... Но не это всё останавливает меня, а то, что до меня доносятся звуки лермонтовского «Ангела», переложённого на музыку. Рояль, виолончель и скрипка, не совсем иногда согласно, исполняют в трио этот чудный романс. Музыку в кабаке, конечно, не слушает никто. Но она торжественно и скорбно напоминает о небесном, вырывается во мглу этой скучной, ненастной городской ночи. Ещё утром, просматривая томик стихотворений Лермонтова, я натолкнулся на это стихотворение. А тут, стоя в луже, чувствуя на лице капли морозящего дождя, я вспоминаю мою угасающую страдальницу Каташу.

22 октября. Когда бедной Каташе моей особенно плохо, она громко молится. И так трогательно молится! Сегодня ночью, когда ей было так плохо, а я крепко спал, она, думая, что умирает, издала благословляла меня и отсутствующую Маню. О чём я узнал у неё поутру, когда стал упрекать её в том, что она не велела меня будить. Уже одно то, что меня любила и уважала такая женщина, заставляет радостно биться моё сердце! Значит, было же что-либо в моей жизни и личности такого, что встречало её любовь и сочувствие! Значит, и я прожил на свете недаром...

26 октября. Наша мамочка скончалась сегодня, после агонии, которая продолжалась 1,1/2 суток. Мы не увидим более нашей страдальцы. Но верю: она с нами. Она в наших сердцах, помыслах, памяти, в нашей совести...

28 октября. Сегодня третий день, как её нет в нашей квартире. Лицо её мне видится то в момент, когда во время молебна у её кровати она дремлет, входя в бессознательное состояние, то когда она лежит в гробу... Бедные мои девочки-сиротки причитали,

обращаясь к мёртвой матери, точно к живой... Да она и имела вид точно уснувшей глубоком, блаженным сном. Потом положили в гроб разрешительную молитву, положили на лоб венчик. И это ещё более придало ей вид схимницы...

Из посторонних пришла А.И. Каблукова. Да мы никого и не успели оповестить. Был у нас ещё один посетитель, который геройски боролся за жизнь Каташи, — отныне для нас незабвенный доктор А.А. Листов. Едва мы закрыли гроб, как вошёл он, не зная ничего о смерти Каташи, думая оказать ей медицинскую помощь... Узнав о смерти, он сейчас же принялся ласкать моих удручённых горем сироток, меня, на глазах его были слёзы, в лице глубокая скорбь за нас. Особенно дорого было нам у гроба услышать от него, что он много видел как врач тяжёлых больных, умирающих, но никогда не видел такого благородного отношения к недугу, к приближающейся, неминуемой смерти: никаких жалоб, желаний и только тревога, не о себе, а о других...

26 ноября. Вчера и сегодня мы живём без хлеба. А у Цветковых я за чаем поел хлеба, думая о том, как впроголодь встречают вечер мои дети. Нехорошо так эгоистично наедаться в чужих домах. Но желудок человеческий имеет свою философию и политику. Вернувшись домой, я узнал, что они не ставили самовара, т. к. «не с чем пить чай». Под предлогом, что мне хочется согреться «кипяточком», я заставил поставить самовар. Мы влили в себя кипятка под видом той бурды, которая смеет называться чаем, и легли спать, предвкушая завтрашний день, когда хлеба не будет...

28 ноября. Я получил уроки русского языка в школе кожевенного производства. Я ожидал, что найду аудиторию из взрослых болванов, развращённых российской революцией. И вдруг, к радости, увидел перед собою около 50 ребятшек и подростков (лет 12-15), взятых прямо из деревни, хотя и оборванных и худосочных, но с простотой обращения деревни. Некоторые парнишки, прежде чем писать под диктовку, для облегчения руки раздевались, т. е. стаскивали с себя пальто: прелесть! И ответы их то дики, то наивны, то шустры и находчивы.

29 ноября. Провёл хорошо вечер у Н.М. и Р.М. Хириковых, милых, образованных старушек. У Р.М. нашлась

тёплая подкладка для шапки, и она мне её подарила. Добрая душа! Катюша моя, о которой я думал, идя от Хириковых и глядя на звёздное небо, всё видит в моей жизни и благодарит добрых людей, меня и детей моих жалеющих. Тосковал о Катюше. Пришёл домой. Девочки сидят с мигалками. Самовара не ставили. Ели мёрзлый картофель. В доме хлеба нет!

Улёгся в постель, впервые накрышись тем одеялом, под которым страдала и умерла моя Каташечка...

2 декабря. Благодаря вмешательству Покровского и только благодаря ему я получил 28 фунтов муки. Значит, несколько дней мы будем с хлебом. Слава Богу! Бедная Тамарочка встала сегодня рано, замесила хлеб, приготовила нам к чаю ржаных горячих лепёшек. Какими вкусными они кажутся...

4 декабря. Сегодня минуло 40 дней со дня смерти Каташи! Уже 40 дней! Как они быстро промелькнули... И опять-таки впечатление, что ничего особенного не случилось... А между тем, какой пробыл в моём существовании! Катя (дочь) видела во сне сегодня нашу мамочку, которая жаловалась, что её все забыли!.. Странное дело: при неверии в сны я встревожен. А вдруг это голос с того света. Кто знает, кто знает...

6 декабря. 1 фунт хлеба сегодня продавался в городских лавках по 7-8 тысяч рублей. Вот и живи как хочешь, если не умеешь награть миллионы (или «лимона»), как их в насмешку зовут обыватели). Думала ли 5 лет тому назад Россия, что дойдёт до таких цен на хлеб, которым в трудные годы наделяла она Европу.

19 декабря. Л.Н. Толстой был прав, когда в одной из бесед со мною сказал, что большинство людей делает то, что ни им, ни другим не нужно. И действительно, когда «посмотришь с холодным вниманием вокруг», видишь, что силы большинства людей уходят не на поддержку жизни, не на благо ближним, не на радость Христу, а на участие в деятельности разных учреждений и предприятий, имеющих временный характер и вредных подчас людям. Это замечается не у нас только, а везде, где прочно усеялась и прочно насаждается так называемая культура. А в России сейчас это особенно ярко заметно.

22 декабря. По-видимому, Россия опять вступает в период военных действий, судя по газетам. На востоке красные войска гонят банды белых с японцами, творящими всякие насилия над русским населением. А на западе готовится выступить против советской власти Европа...

22 декабря. Мы опять без денег, без хлеба... Бедные мои девочки (я случайно это слышал) собираются грустно, убого встретить праздник Рождества Христова и Нового года... Радость же наша заключалась бы в хлебе, кусочке мяса и постном масле! Мечты наши давно не идут далее этого...

29 декабря. ...почтальон принёс ещё одно письмо от А.Ф. Кони. Он опять поднимает вопрос или о возвращении его последних писем, или об уничтожении их. Но могу ли я на это решиться? Письма дорогого, далёкого друга мною неоднократно перечитываются. Они имеют исторически-общественное значение... И я не решусь на такое убийство подобных «человеческих» документов. ...Кони пишет, что, отдав в Академию наук письма И.А. Гончарова — интимного характера, — завещал давать читать их лишь через сто лет. Но не уничтожил же он их! И кто будет после его смерти считаться с его волей?! Нет, нет!

30 декабря. Хотя Кони и уверяет, что сказал о себе всё в своих печатных трудах, что он презирает толпу и суд её, тем не менее, желание уничтожить свои письма указывает на то, что для него мнение этой толпы, даже тогда, когда его не будет в живых, не всё равно. Какое двуличие. Опять Кони рисует мне двуличным Янусом, которого нескоро раскусят потомки. Ключ к его душе дают письма его ко мне. А он боится, что эти письма много убавят от того либерального ореола, которым в тумане недосказанного в печатных его произведениях окружено его имя... Писем я решил ему не отдавать.

1 января 1922 г. Прошедший год был настолько тяжёл и грустен, что и вспоминать о нём не хочется...

В статье, а также в предыдущих отрывках из дневника А.В. Жиркевича (см. «Мономах» №№ 2, 3-2014) использованы фото и открытки из личного архива Н.Г. Жиркевич-Подлесских; фотоснимки (И. Репин с семьёй и А. Филатова) из фондов ГМТ.

В «Мономахе» № 2-2014 на стр. 8 в подписи к фото «Персонал санитарного поезда...» допущена неточность: А.В. Жиркевича на снимке нет.